

Мина Полянская

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ

СОБОР ЛОЗАННСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Тяжёлый червонный крест –
Рукоять моего меча
Андрей Белый

Подобно тому, как из любой точки поверхности земли можно предпринять путешествие к ее центру, сделаю и я попытку странствия к избранному мной центру - собору Лозаннской Богоматери.

Мой путь тернист, препятствий - через край. Лишь отблеск истинного хода событий я сумею изложить, но, признаюсь, трудно сохранить независимость от устойчивых идей и не унесться астральным течением мемуаристов, которые мечут в тебя тонко отточенные метафизические стрелы, и совсем уже нелегко перенестись отнюдь не метафизически из реального двадцатого века в атмосферу чуть ли не средневековья. История, которую я изложу повисает между мифом, сказкой и рассказом. Я скорее склоняюсь к мифу, который все же хочу понять и даже объяснить.

О встрече Андрея Белого с таинственным господином в соборе Лозанны мне известно из воспоминаний, а точнее, из лаконичного свидетельства строгой Аси Тургеневой, первой жены писателя художницы Анны Алексеевны Тургеневой, ставшей адресатом большинства стихотворений Белого, в том числе и сборника «После разлуки», созданного в Берлине после окончательного разрыва с ней, о чем я подробно написала в книге, целиком посвященной Андрею Белому (Борису Николаевичу Бугаеву), писателю, достигшему высшей точки русской литературы.

Я в который раз с изумлением читала воспоминания Аси, странную смесь фантастики, мистики и религии, о фанатичном строительстве первого антропософского храма Гётеанума. «Всякий, кто оказывался в Дорнахе, - сообщала Ася, - хотел стесать хотя бы несколько щепок». Мне казалось, что я читаю книгу о некоем мистическом христианстве, замешанном на розенкрейцерстве, находящемся за стеной, непроницаемой для времени и внешнего мира.

И вот уже в безвестной раньше швейцарской деревне собралась огромная толпа людей из разных стран, жаждущих тесать, вырезать, или же хотя бы прикоснуться к строящемуся храму, и вот уже вновь и вновь прибывающим не хватало там места и инструментов, и вот уже, какое счастье, группа Аси удостоилась чести вырезать деревянный архитрав Сатурна, а затем и Марса! И вырезали-тесали ежедневно и лихорадочно до глубокой ночи, суставы болели, рука Аси распухла, но это всё были ничтожные мелочи по сравнению с тем великим будущим, созидателями которого они себя возгласили. Асины воспоминания поневоле нагнетали эзотерические чувства, а она ещё и утверждала: «Нас неодолимо влекла какая-то могущественная сила». Ася вращалась в среде, где всё сущее подвергалось анализируванию. Однако, каков он, параллельный,

иррациональный мир, которого мы не знаем, и насколько же неистребима идея рока и миссии, возвышающая членов неких объединений над иными смертными! Лидер антропософии Рудольф Штейнер, задумавший создать центр антропософского общества, обратился к духовным и естественнонаучным идеям Гёте, которого назвал отцом новой эстетики, и храм, о котором с таким упоением пишет Ася заложенный на холме в деревне Дорнах, рядом с Базелем 20 сентября 1913 года, был назван Гётеанумом. Цель Штейнера – нравственное совершенствование, выявление в человеке (в себе) высшей божественной сущности, а для этого необходимо установить мировое внесловное братство. Здание первого Гётеанума состояло из двух цилиндрических объёмов разного диаметра, перекрытых взаимопроницающими, взаимосвязанными одинаковыми куполами. Два купола отражали двойственность человека – низшее его «я» и высшее.

Белый с Асей Тургеневой (Ася, как оказалось, навсегда) покинули Россию накануне Первой мировой войны и поселились недалеко в Дорнахе.

«С утра до вечера со стамесками в руках работаем над капителями и архитравом (Johannes bau – деревянный), - писал Андрей Белый, - здание ещё только вырисовывается, но – что за форма! Это действительно небывалый, воистину новый, воистину оригинальный стиль (не стиль-модерн); если можно сравнить, так это с Софией (Константинополь)».

Наш поэт числился вахтёром, совершал ночной дозор и даже обладал «почетным» прозвищем «вахтёр Бугаев» (антропософы с равнодушием отнеслись к литературным делам Белого, одного из самых известных писателей России).

Мировая война создала атмосферу шовинизма в среде антропософов и напоминала грозную атмосферу межнациональной вражды, созданного Томасом Манном туберкулёзного госпиталя в горах той же Швейцарии в годы той же войны в романе «Волшебная гора». Мечта Штейнера об установлении мирового внесловного братства превращалась в иллюзию. «Один за другим уходили на войну "сильные мужчины". Каждый должен был проститься с другом, с которым здесь он делал общее дело, чтобы воевать с ним как с врагом», - вспоминала Ася Тургенева.

В Дорнахе была слышна канонада эльзасских сражений, земля сотрясалась, окна звенели, ивы трепетали, Андрей Белый писал:

Помню: перламутровые травы,
Купол ясноглавый, величавый,
Розовые воздуха Эльзаса,
Пушечные взрывы... из Эльзаса,

Легкие, лепечущие ивы,
Тёмные, гребенчатые горы,
Синие, огромные разрывы
В синие, огромные просторы.

Андрей Белый между тем, завершил в Дорнахе свой великолепный роман «Петербург», где «петербургский период» русской истории осмыслен в контексте судеб мира, в том числе и древних восточных цивилизаций. Публикация «Петербурга» в 1914 году принесла писателю всемирную известность. Он едва ли не первый в мире создал ритмизованный прозаический текст, предвещающий опыты Д. Джойса и О. Хаксли. Он также написал философское исследование «Рудольф Штейнер и Гёте в

мировоззрениях современников». Когда Андрей Белый навсегда покинул Дорнах (в 1916 году), он оставил архив, ставший впоследствии достоянием архива «Наследие Рудольфа Штейнера» (Rudolf Steiner – Nachlassverwaltung). Он находится и поныне в Дорнахе.

Быть может, в архивной тишине *Rudolf Steiner – Nachlassverwaltung* стареют, желтеют записки Андрея Белого – а они на русском языке! - о Лозаннском соборе и о загадочном господине, с которым он там встретился. Но вряд ли я смогу увидеть архив. Я полагаю, и не без оснований, что антропософское общество – тайное общество, поскольку в нём присутствуют высшие формы посвящения, связанные с эзотерическими тайнами, не подлежащими разглашению.

Здесь мне нужно сообщить, забегая вперед, что последующие после Андрея Белого ночные стражи Гётеанума не уберегли храм от пожара: таинственные люди сожгли его 31 декабря двадцать второго года.

«В пасмурный, сырой день, - вспоминала Ася, - я спешила после обеда в Гётеанум. Две тёмные фигуры, похожие на химер собора Парижской Богоматери, свесились с парапета террасы возле большого помоста, установленного над южным входом. Собственно говоря, в это время на террасе уже не должно быть ни одного человека, мелькнуло у меня в голове...»

Неужели Ася увидела тогда истинных поджигателей? И храм был подожжён, и подобно гигантскому факелу, горел в новогоднюю ночь наступающего двадцать третьего года, а потом ещё и весь день наступившего двадцать третьего года. То было страшное событие: Гётеанум был со всех сторон объят грозным пламенем.

Тяжкие испытания выпали на долю Рудольфа Штейнера, человека, который, по словам Марины Цветаевой, был сам по себе тайной. Какие мысли одолевали его, понимающего знаки и грозные символы иных миров? Мастер внушал своим людям, что каждый из них по своей воле выбирает дорогу служения делу. А вдруг Мастер осознал, что члены общества служат ему с наслаждением людей, сделавших свободный выбор, тогда как это был не свободный выбор, а внушенный им, Мастером? А вдруг такая догадка лишила его опоры жизни, а жить после этого пожарища ему оставалось недолго? Таковы мои домыслы, или догадки, когда вглядываюсь в его портрет – портрет человека старинной красоты, высоколобого, с тёмными, грустными глазами и неожиданно изысканной лепки подбородком с ямочкой посередине, свидетельствующем скорее, не о твёрдости и непреклонности, а о мягкости, доброте, уступчивости даже характера.

Страховая сумма была выплачена, поскольку Штейнер установил, что предохранители были в исправности. Но он вдруг заявил, что сгоревшее Здание строилось силой любви и жертвы и если бы было достроено, то излучало бы мир, а что касается другого здания, то вместе с деньгами этой самой страховки внесена будет человеческая ненависть. Вот такое мрачное до безнадежности пророчество сделал Штейнер, а после этого продержался в тоске по сгоревшему храму ещё два года, умер 30 марта 1925 года и похоронен на территории Гётеанума.

Железобетонный второй Гётеанум, завершённый в двадцать восьмом году, сохранился до наших дней. С витражами, созданными по рисункам Аси Тургеневой. Но познать эти рисунки, осмыслить содержание замысловатых витражей дано не всем. А только посвященным, а только тем из нас, кто истово изучал антропософию, ибо на витражах представлен антропософский путь человека к постижению духа и, более того, особый

путь духовного в человеке, который может привести его (человека) к духовному во Вселенной.

—
Я стараюсь по возможности придерживаться хронологии событий, но вынуждена опять отступить в прошлое, мне вновь необходимо отдалиться от странного приключения Андрея Белого у собора Лозаннской Богоматери, поскольку нет другого пути - и вспомнить об одном необычайном событии пятилетней давности, а именно о таинственном исчезновении женщины в чёрном летом 1910 года - Анны Рудольфовны Минцловой, друга многих литераторов, в том числе Максимилиана Волошина, Вячеслава Иванова и Андрея Белого. И, более того, признаюсь, без этого отступления, невозможен мой рассказ.

Минцлова – внучка знаменитого библиографа, старшего хранителя иностранного отдела Императорской библиотеки. Она - сестра не менее знаменитого библиографа и писателя Сергея Рудольфовича Минцлова, автора книг «За мёртвыми душами», «Далёкие дни», «Петербург в 1903 - 1905 годах», «Трапезная эпопея». Принадлежность к такой семье уже придавала весомость тому, что проповедовала фрейлейн фон Минцлова, как называл её Рудольф Штейнер. Анна Рудольфовна перевела несколько работ лидера теософии, а затем антропософии на русский язык, но решив, что переросла своего учителя, отошла от него, намереваясь создать в России общество розенкрейцеров с ведущей ролью в нём Вячеслава Иванова и Андрея Белого. Ася Тургенева в своих воспоминаниях посчитала Минцлову одаренной мощным ясновидением женщиной.

Однако русские литераторы засомневались «в подлинности того «братства», которого представительницей являлась она», по выражению Белого, и отказались следовать за ней. Неверие было воспринято ею как знак невыполненной миссии, якобы, возложенной на неё Кем-то. Андрей Белый – последний – видел её.

... И запомнилась полная, точно опухшая, Минцлова в «чёрном мешке» с запрокинутой головою, с глазами Блаватской, не то «шарлатанскими», не то гениальными.

Андрей Белый проводил Минцлову на поезд «Москва – Петербург». Она – в поезд села, но в Петербург не приехала. И по сегодняшний день нет её. Однако... если подверглась розенкрейцеровской философской смерти, исчезла на манер розенкрейцеров с «жизненного плана», и на манер подвергавшегося реинкарнации графа Сен-Жермена, то... Сен-Жермен, например, обладал информацией о том, как умереть, а потом ожить. И Священные Братья тоже. При таком раскладе Анна Рудольфовна и проснуться может, проснулась уже, быть может...

Так или иначе, а загадка исчезновения Минцловой преследовала Белого всю жизнь:

Единственный случай бесследного исчезновения человека, который я знаю, живёт до сих пор неизживным вопросом во мне: как возможно, чтобы имеющий столько друзей и знакомых живой человек так бесследно исчез, чтобы даже не спрашивали впоследствии: что случилось с Минцловой? (...). Лишь ходили страннейшие шёпоты, что де бросилась в волны она Атлантического океана, что де живёт она в монастыре иезуитов (и

называли мне города в Италии, где её будто видели). Верных сведений – не было.

Но присутствует в этом странном деле одна деталь, которую мне хотелось бы выделить, и читателю решать, не поступилась ли я честью, что высветила ЭТУ ДЕТАЛЬ, или же, подобно беловедам, следовало мне её тоже затушевать, или как-то отшутиться, пройти мимо, как это чаще всего и происходит, когда речь идёт о деталях мистической биографии Белого.

Прежде чем исчезнуть, Анна Рудольфовна обещала Белому встречу с посланцами *оттуда*. А для опознания и контакта вручила ему *своё кольцо*. Посланцы при встрече должны были произнести определённые изречения из Евангелия в качестве опознавательных знаков, а проще говоря, пароля. Факты такого рода вполне достойны приключенческого романа, однако же пера писателя-интеллектуала типа Хаксли, творчество которого отдаленно напоминает творчество Белого.

Но посланцы ОТТУДА всё не объявлялись, а розенкрейцеры находят своего избранника самостоятельно, в одностороннем порядке.

Андрей Белый создал стихотворение «Голос прошлого», в котором выразил со всей возможной страстностью свои рыцарские чаяния. Об этой страсти свидетельствует и чудом сохранившаяся старая киноплёнка с собственным его наполненным невероятной энергией чтением стихотворения. Он, Белый, в чёрном, благородно - красивый, в руке, так что глаз не оторвать, завораживающе поблескивает, круглое стеклышко - от очков ли стеклышко, или тайный знак Братьям по ордену подает, или нас из прошлого призывает? Мне сейчас помогут впечатления Цветаевой от увиденного ею в Париже портрета Белого в эмигрантской газете после его смерти в Москве 8 января тридцать четвертого года: «Не ссылайтесь на неясность отпечатка, плохость газетной бумаги и т. д. Всё это, все эти газетные изъяны, на этот раз, на этот редкий раз поэту – послужило. На нас со страницы «Последних новостей» глядит лицо духа с просквожёнными тем светом глазами. На нас – сквозит».

И вслед за Цветаевой, не ссылаясь на «плохость» пленки, несовершенство кинематографа, недостаточную синхронность звука, я не без робости сообщаю, что лицо поэта с «экрана» также показалось мне лицом духа - «на нас свозит» - меж тем, как голос его из прошлого, просквоженный тем светом, неторопливо, ритмично, но как то уж очень властно и призывно читал... Читал, кстати, прекрасно.

О, я, пожалуй, приведу это стихотворение полностью:

В веках я спал... Но я ждал,
О, невеста Север моя!
Я встал из подземных зал
Спасти - тебя, тебя!

Мы рыцари дальних стран.
Я -- рог, гудящий из тьмы.
В сырой, в дождевой туман –
Несемся на север мы.

На крутые груди коней
Кидается чахлый куст...
Как ливень, потоки дней,

Как бури, глаголы уст!

Плащ семицветием звезд
Слетает в туман с плеча,
Тяжёлый червонный крест –
Рукоять моего меча.

Его в пустые края
Вознесла стальная рука.
Секли мечей лезвия –
Не ветер - года, века

Поиски нашего поэта встречи с рыцарями - не изощренная литературная игра, свойственная символистам или романтикам, когда стираются границы искусства и реальности, хотя нельзя исключить, что поэт все же сочинил эффектный сценарий, в котором на сей раз сам оказался главным действующим лицом. Остается обратиться к самому Белому с вопросами (риторическими, конечно) не только о тайнах жизни и смерти, которых нам, живущим, не разгадать, но и о тайнах творчества, о тайне (и правде) с его неведомыми фантастическими счетами в искусстве.

Минцлова, с её уверениями о том, что она является посланцем неведомых благодетелей человечества, – примета времени, тревожного времени предреволюционной России. Вспоминается дореволюционная Франция восемнадцатого века, века просвещения, уважения к человеческой личности и его разума, века, уважающего энциклопедию, читающего Вольтера и Руссо. Казалось бы среде, где возобладал рационализм, должна быть чужда любая форма метафизики. Но именно в этой среде граф Сен-Жермен под покровом необычности и тайны в присутствии восхищенной публики вызывал с помощью катоптрических эффектов тени из загробного мира.

«Этот юный прелестный век», - так писала о России начала века Цветаева. Век, юный и прелестный, отличился поисками раскрепощения личности, приводившими к самым неожиданным результатам. «И всецело отдаюсь своим интимнейшим переживаниям, – вспоминал Белый, – чтению эзотерической литературы, мечтам об «ордене».

После исчезновения Минцловой, в том же 1910 году Тургенева и Белый совершили длительное путешествие: побывали в Италии, Тунисе, Египте, Палестине, а затем они отправились в Брюссель, где Ася училась гравюре у Огюста Мишеля Данса (гравёр Огюст Данзе – так у Аси).

Встреча с невидимыми розенкрейцерами могла как будто бы произойти и в Брюсселе – а почему нет? В Брюсселе и затеялись чудеса. Белому и Асе во сне стал являться Рудольф Штейнер или некто похожий на Штейнера. Также некто пасторского вида встречался им в трамвае и на трамвайной остановке, непрерывно и многозначительно глядя на них. Чудеса происходили и в квартире: угольно-чёрная тучка настороженно вдруг останавливалась у окна, стараясь привлечь к себе внимание, раздавался стук в дверь, причём спиритический, поскольку сверху раздавался, а не там, где обыкновенно люди стучат, и прочее в этом роде. Андрей Белый описал эти события в письме к Александру Блоку, который субсидировал поездку молодоженов в Брюссель (дал Белому в долг 500 рублей). Блок читал письмо Белого о брюссельских волшебствах с

упоением, но, несмотря на то, что Белый просил прочитать его друзьям, не решился кому-либо его показывать.

Из брюссельских событий очевидно стало, что Штейнер зовет их - Асю и его - к себе, *и надо ехать*. «Оставив нетронутым наш обед в ресторане, мы ринулись на вокзал, чтобы успеть на поезд, отправляющийся в Кёльн, - вспоминала Ася. - Счастливое время, когда и русские могли ездить по Европе без виз!»

Не без труда удалось попасть на лекции Штейнера, однако повезло – удалось. И всё, что касается контактов со Штейнером, удавалось. И всё - на удивление удавалось, как будто на пути к Штейнеру загорался зелёный свет. Тогда как на самом деле ничего удивительного в таком быстром налаживании контактов не было: Штейнер слышан был об Андрее Белом, он получал информацию из России о деятельности всевозможных религиозных и оккультных организаций.

Так или иначе – брюссельские события подтолкнули Белого к антропософии, и, как выяснилось, навсегда, ибо Рудольф Штейнер сделался для него альтернативой розенкрейцеров.

Спустя много лет наглухо запертый в России, непубликующийся, растоптанный большевистской властью Андрей Белый любил вспоминать о днях минувших, о заграничных путешествиях, о Берлине. И о Швейцарии, где с любимой женой Асей, предаваясь изощренным причудам своего времени, коснувшись запретного, совершенствовался, выявляя в себе высшую божественную сущность. И погасла любовь молодоженов – безвозвратно. Ибо, как сказал поэт, *темны помышленья Творца, и не нам их дано разгадать*.

Белый в Советской России мог делиться недозволенными мыслями со второй женой антропософкой Клавдией Николаевной Васильевой и с некоторыми антропософами, ушедшими в подполье до разгрома в 1931 году. И летом в Коктебеле с поэтом и художником Максимилианом Волошиным, тоже пережившим период увлечения антропософией и строившим, правда, недолго (он расписывал занавес зрительного зала) первый Гётеанум. И так, Белый, запертый в России навсегда, остался с портретом Штейнера - над кроватью!

Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!
Зовёт за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой.
—

Ещё здесь важно отметить, что многие русские мистики и оккультисты облюбовали Швейцарию. В Локарно-Монти в 1947 году завершил дни свои филолог, мистик, поэт, переводчик «Гимнов Орфея», драматург Эллис (Лев Львович Кобылинский), некогда друг Андрея Белого, ценившего Эллиса *за вечность, что в сердце его*. Эллис - первый возлюбленный Цветаевой, ему посвятила Марина поэму «Чародей»:

Из чёрной глубины рояля

Пылают гроздь алых роз.
— «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос...

А красавица художница Маргарита Сабашникова-Волошина (первая жена Максимилиана Волошина), страстная антропософка, не успела в очередной раз пересечь границу Швейцарии, граница закрылась после Первой мировой войны для граждан из Советской России, не присутствовала она на похоронах своего кумира Рудольфа Штейнера, а только видела его портрет в гробу. И осталась Маргарита Васильевна служить антропософии в 250 километрах от Дорнаха, в немецком Штутгарте, где написала замечательную книгу воспоминаний «Зелёная змея», там и умерла в 1973 году в девяностолетнем возрасте в доме престарелых. Ася Тургенева в страшные времена надёжно спряталась в *волшебной горе*, а точнее, на холме, который Волошин удачно назвал Ноевым ковчегом. И благополучно продержалась до старости – умерла в 1966 году, пережив Белого на 32 года. Ну, а что касается Минцловой, то она как будто бы исчезла с лица земли?

Воспоминания Аси приобретают живописность в моём сознании, а они переплетаются с другими ассоциациями и становятся ярче и красочней. В своём воображении я спускаюсь к собору как в чистилище, и неизменно нахожу там любимого поэта, испытывая тревогу за его судьбу. Мне хотелось бы передать всю живую плоть происшедшего, ощутить биение неистовой энергии сцены у собора, которой я (почти) не уделила внимания в своей книге об Андрее Белом. Я перенесусь в мистическую атмосферу Средневековья отнюдь не метафизически, не на крыльях фантазии. Но если вы подвержены, согласно выражению Цветаевой, вере в сверхъестественные сюжеты, то напоминаю: согласно правилам, сверхъестественные существа редко являются толпе, так же, как редко являются двоим - вспомните «Поворот винта» Генри Джеймса, где, о Боже, привидение увидел не один ребенок, а двое! детей. Чаше пришельцы являются только одному человеку (отчего столь трудно доказуемо явление призрака), а обитают посланцы параллельных миров в определенных местах — в башнях старинных замков, в дремучих лесах и, химеры здесь бессильны, в готических соборах. Тайны параллельных миров, как правило не раскрываются, и мой штурм лишь попытка их раскрытия, лишь видимость активного действия. Я интегрируюсь в неведомый мне закон вечного вращения и возвращения

Надо сказать, что собор Лозаннской Богоматери ещё не дождался своего Виктора Гюго, но может ещё вполне его дождаться, и создан будет монументальный роман о его тайнах - у готических храмов неторопливый отсчёт времени. Иные достойные соборы ждут своего часа и сотни лет, и динамика их славы обладает своим собственным неисповедимым ходом, меж тем как тяжелый маятник часов качается из стороны в сторону, отбивая неумолимые удары, наперекор превратностям судьбы.

В старину, когда Лозанна была деревянной, и пожары время от времени уничтожали ее, город жил напряженно, стоял на страже в ожидании очередного нашествия огня. Городская традиция настороженной бдительности сохранилась и напоминает в нынешней каменной Лозанне

игру взрослых в сказку для детей. Вот уже шесть столетий свершается торжественный ночной дозор, страж - из династии стражей? - поднимается по ступеням Собора, преодолевая 153 ступени, на башню и возвещает ежечасно с десяти вечера до двух часов ночи: «Это ночной смотритель, час пробил». Я полагаю, что крепкие узы связывают стража с собором, а священные стены для него и дом, и родина, и вселенная.

Наш мир на самом деле переполнен гениями, исполнявшими свою ежедневную работу и не помышлявшими, не подозревавшими о своих талантах. Простые люди долбили землю, переворачивали камни, волокли по каменному полу брёвна, роняли тяжести и вот таким будничным образом создавали красоту готических соборов.

Но лютеранство осуждало католическую роскошь, и ринулись на соборы полчища религиозных смут, и разорили их. Реформаторы переплавили на монеты даже и золотую чудотворную статую Богородицы. Сохранилась, слава Богу, входная дверь собора Лозаннской Богородицы с изображением евангелических сюжетов, а также искусно выполненные скульптуры на консолях в нишах фасада.

А для атмосферы - обратим внимание на гигантское южное окно Розы тринадцатого века - круглый витраж в стене, изображающий средневековое представление о вселенной. Когда солнце врывается в окно, то из стекол как будто бы высекаются цветные искры, и пылинки кружатся-плутают вокруг Розы, замечая следы Истины. Как говорил мой преподаватель, *это и в самом деле составляет сущность готики как художественной идеологии: точнейший расчет и неременная мистика – союз конечного с бесконечным.*

Для возникших как будто бы во времена средневековья, а может и раньше, розенкрейцеров, именно роза, эмблема древнейших времен, стала цветком посвящения. Братья Розы и Креста жили неприметно, и даже своим близким не раскрывали своей принадлежности к Ордену. После смерти учителя С.Р.С (тайное имя основателя) большинство Братьев, якобы, не имели определенного центра для встреч. Таков один из мифов. Я могу предположить что в Лозаннском соборе, обладавшем одним из древнейших символов – Розой, розенкрейцеры, испытывая на себе её воздействие, неведомое нам, свершали и поныне свершают свои тайные встречи. Такое предположение без натяжки вписывается в контекст моего рассказа.

Весной 1915 года в Лозанну, что в 200 километрах от Дорнаха, приехал Андрей Белый и направился к собору. Там к нему подошел пожилой господин и прочитал по книге те самые, предсказанные Минцловой (!) слова из Евангелия. А что потом? Господин простился с растерявшимся поэтом и ушёл. Белый подумал было, что возможно это и есть посланец розенкрейцеров и кинулся к Штейнеру – рассказывать. Однако Штейнер, выслушав пылкий рассказ, заключил, что господин к розенкрейцерам не имеет отношения. Фрейлен фон Минцлова, уверял Штейнер, умерла и не могла успокоиться, пока не завершила начатого. Через господина говорила с Белым она, Минцлова. Я так понимаю, что душа Минцловой находилась в оболочке, или теле господина... Или - как?

Но преследует меня видение, а точнее, зрелище, можно даже сказать, представление, но очень зрелищное, поданное мне в контрастных до резкости красках. Я настолько уверовала в то, что увидела (и вижу), что осмелюсь даже для большей убедительности повторить вслед за Мэри Шелли фразу, которой она охарактеризовала свое изоощренней фантазии,

немыслимое для трезвого разума сочинение «Франкенштейн»: «Эта повесть – не бред. Все, что я рассказываю, так же истинно, как солнце на небесах».

–
 Мартовское утро, солнце светит с удовольствием новизны, и лучи его пронизывают насквозь всю красавицу Лозанну вместе с озером и Савойскими Альпами. По-весеннему тепло и, кажется, что природа потеряла рассудок и прикинулась маем. Входная дверь Собора, та, что в евангелических сюжетах, приоткрыта, я толкнула ее, вошла.

Массивны своды древнего Собора, *играет мышцами крестовый лёгкий свод* - и - витражи и витражи. *Некто другой* управляет действием, а я не сценарист, и в предстоящей сцене, а мне известно, что будет - сцена, намечается нетвердость фабулы. Выхожу-выхожу торопливо за пределы кадра. *Чтобы зреньем напитать судьбу развязку.*

Отчего-то потемнело, и я не сразу увидела то, что увидеть надлежало, но ощутила какую-то манящую неизвестность, принимающую неясные очертания, как это бывает, когда в сумерках видишь силуэт, который можно определить лишь словами: там что-то есть. Но вот вспыхнул спасительный свет - солнечный свет. Началось!

Уже чётко я вижу Андрея Белого – вот он в чёрной крылатке и широкополой чёрной шляпе, напоминающий рыцаря Тогенбурга, поднимается по ступенькам собора, казавшегося серебристым в мартовском потоке солнечного света. А навстречу ему с раскрытой книгой (Евангелие) направляется величественный господин в сером просторном развевающимся, как парус на ветру – а ветра нет - плаще, благородством внешности и изысканным блеском седины (тоже серебряной) в бороде и на висках, и волосах, гладко зачесанных назад, напоминающий пожилого Шона О, Коннери. Вот господин остановился перед поэтом. Читает ТЕ САМЫЕ евангельские изречения. Мучительно хотелось бы услышать, но - ни звука, как в немом кино, и не дано узнать библейские слова. Мучительно гадаю, может - эти строки из «Нагорной проповеди»: «Многие скажут Мне в тот день: «Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили?» И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас». Но - это мои фантазии. Назидательные мысли, с моралью мысли, а этого – нельзя. Там - много фраз, не таких прямолинейных. Господин прочитал изречения, которые - как хочешь, так и понимай: «Вы – соль земли», или «Вы - свет мира». Да, что-то в этом роде и прочитал. После чего простился, изящно наклонив голову, и ушёл, растворился в воздухе навсегда.

А на протяжении ВСТРЕЧИ справа за углом собора - в чёрном, очень чёрном одеянии, в ореоле рыжих, очень рыжих волос, наклонившись вперёд, прислонившись, вцепившись хваткими пальцами в шершавые стены собора, стояла огромных размеров женщина. Она опасливо, чтобы не заметили, выглядывала из-за соборного угла, наблюдала за сценой, и, как в пьесах, спектаклях, подслушивала. Яркие, пышные, спутанные волосы женщины, загорающиеся на солнце огненными бликами, и огромные, выпуклые голубые её глаза, полные азартного, страстного нездорового любопытства, *не то «шарлатанские», не то гениальные*, мне были хорошо видны.